

НИК ПЕРУМОВ

ЗА КРАЕМ МИРА

ПРИКЛЮЧЕНИЯ
МОЛЛИ БЛЭКУОТЕР

Ник Перумов
За краем мира
Серия «Приключения
Молли Блэкуотер», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17181165

За краем мира: 2022
ISBN 978-5-222-37421-4

Аннотация

Мир, образовавшийся в результате катаклизма, разделён на части. Большую занимает Бриатанния – империя, аналогичная викторианской Британской империи. Ей требуется всё больше места, ресурсов, и она начинает теснить своих северных соседей, русских, вглубь их земель, за хребет Карн Дред. Начинается война.

В это беспокойное время юной Молли, благовоспитанной дочери железнодорожного доктора, приходится бежать из родного Норд-Йорка, потому что она открывает в себе дар предвидения. Девочка попадает на передовую, где во время боя её похищают волк и медведь, которые оказываются молодыми магами-оборотнями Rooskies.

Через многие испытания придётся пройти Молли и многому научиться у тех, кого в её стране считают варварами, чтобы вернуться домой...

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	26
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Ник Перумов

Молли Блэкуотер.

За краем мира

Часть первая

Норд-Йорк

Глава 1

Трубы, изрыгающие чёрный дым, низкие облака – дымные столбы упираются в серую крышу, словно поддерживая. Облака переваливают через острые грани хребта Карн Дред, спускаются вниз, в долину, к берегам широкой Мьёр. Река впадает в Норд-Гвейлиг, Северное море, а возле самого устья раскинулся Норд-Йорк.

Это он дымит трубами, сотрясает ночь фабричными гудками. Это в его гавани стоят низкие и длинные дестрое-ры с мониторами и канонерками, и здоровенные многотрубные купцы, и скромные каботажники. От порта тянутся нити рельсов к складам и мастерским, казармам и фортам.

Дышат огнём топки, жадно глотая чёрный уголь. Клубит-

ся белый пар вокруг напружинившихся, словно перед прыжком, локомотивов; дымят породистые, словно гончие, курьерские и пузатые двухкотловики, что тянут с Карн Дреда составы со строевым лесом, рудой, особо чистым углём, который единственный годится для капризных топок королевских дредноутов.

Корабли увозят всё это добро из порта. Уползают, словно донельзя сытые волки от добычи.

Улицы в Норд-Йорке, в его нижней приречной части, узкие, словно ущелья. По дну их пыхтят паровички, тащат вагонишки с фабричным людом, развозят грузы. Дома тут высоченные, в полтора десятка этажей, и даже того выше. Окна неширокие и тусклые, хозяйки не успевают отмывать стёкла от сажи. В коричневых ящиках под окнами отчаянно тянутся к свету тонкие стрелки лука. Без лука никак – зимой в Норд-Йорке частенько гостит цинга.

Выше по течению и по склонам берега улицы становятся шире, дома – ниже. Здесь народ одет лучше, больше пабов, кофеен и лавочек. Здесь живут лучшие мастера, наладчики, станочники, инженеры, офицеры королевского гарнизона, механики и машинисты бронепоездов, прикрывающих шахты, карьеры и лесопилки на склонах Карн Дреда.

И ещё здесь, на Плэзент-стрит, 14, живёт доктор Джон Каспер Блэкуотер с семьёй. Доктор Джон работает на железной дороге, пользуясь путевых рабочих и обходчиков, смазчиков, стрелочников, семафорщиков, телеграфистов, он вечно

в разъездах на мелкой своей паровой дрезине – паровоз с полувагоном, где есть операционная, где можно принять больного и где в узком пенале купе спит сам доктор, когда не успевает за день вернуться обратно в Норд-Йорк.

Иногда он берет с собой и Молли, особенно когда миссис Анна Николь Блэкуотер отправляется погостить к своим собственным мамá и папá.

Молли любит это поездки больше всего на свете.

– Фанни! Скажи маме, что я дома!

Мисс Молли Блэкуотер, двенадцати лет от роду, захлопнула дверь, помотала головой под низко надвинутым капюшоном. На улице валил снег. Через Карн Дред переползла очередная масса облаков.

Фасад у таунхауса семьи Блэкуотеров узок, всего два окна с дверью. За парадными дверьми – длинный холл, в стене слева от входа – связки поднимающихся из подвала труб, парораспределитель, всякие манометры, вентили и рукоятки.

Пар в Норд-Йорке – это всё. Он не только обогревает дома стылой и ветреной зимой, он толкает поршни в цилиндрах машин, приводит в движение целые фабрики, управляет семафорами на железнодорожных путях и городских перекрёстках, переводит стрелки для настоящих больших поездов и скромных уличных паровичков, разгружает суда в норд-йоркском порту – всех работ не перечесть.

Глубоко под землёй круглосуточно горят огромные топки, перегретый пар устремляется по трубам; там стоят гигант-

ские котлы в два, а то и три десятка футов высотой.

В подвале дома Молли тоже есть котёл, небольшой, конечно. Есть и угольный бункер, и механическая рука-подаватель, движимая тем же паром. На улицу высовываются раструбы воздухозаборников, словно на настоящем корабле, внутри гудят вентиляторы. Пар идёт вверх, в комнаты, помогая даже готовить еду или гладить бельё!.. Там же, в подвале, паровой автоклав-стерилизатор, где папа обрабатывает свои шприцы и скальпели.

Сразу за холлом в доме Молли – гостиная и столовая с кухней. Слева от холла – папин кабинет. Он такой маленький, что там почти ничего не вмещается, кроме книжных шкафов да письменного стола. Тем не менее папа там тоже принимает больных – ну, когда оказывается дома. На столе – особая гордость папы, механическая пишущая машинка на пару, с собственным котлом и горелкой, с настоящей топкой!.. На ней папа пишет свои статьи в «Ланцет» и в Королевское медицинское общество, описывая болезни северных варваров и их же варварские методы лечения.

Конечно, дома подобную машинку использовать затруднительно, признаётся папа, если только не подключать к домашним паропроводу и вытяжке; но зато в путешествиях, уверяет он, такая машинка незаменима. Известное выражение «В топку!», относящееся к неудачным рукописям, кажется, именно от таких машинок и пошло.

Мебель в доме доктора Джона Каспера Блэкуотера тём-

ная, основательная, дубовая.

Молли наконец справилась с плащом и капором. Фанни, служанка, по Моллиному мнению, ужасно-преужасно старая – ей ведь уже тридцать пять лет! – появилась из глубины дома, приняла заснеженную пелерину.

– Ботики, мисс Молли. Смотрите, сейчас лужа натечёт. Матушка ваша едва ли будет довольна.

– Не ворчи, – засмеялась Молли, скинула как попало тёплые сапожки и устремилась мимо горничной к лестнице на второй этаж, лишь на миг задержавшись перед высоким, в полный рост, зеркалом. Кашлянула – она всегда кашляла, когда зимой над городом скапливался дым от бесчисленных плавилен, горнов и топок.

В зеркале отразилась бледная и тощая девица с двумя косичками и вплетёнными в них чёрными лентами. Курносая, веснушчатая, с большими карими глазами. И, пожалуй, чуточку большеватыми передними зубами. В длинном форменном платье частной школы миссис Линдгроув, южанки аж из самой имперской Столицы – тёмно-коричневом платье с чёрным передником и в чёрных же чулках.

Внизу – слышала Молли – Фанни потопала на кухню. Мама, наверное, где-то там. Молли сейчас приведёт себя в порядок и спустится. Правила строгие – не умывшись, не смыв с лица угольную копоть, что пробирается под все шарфы и маски, нельзя появляться перед старшими.

Фанни, понятное дело, не в счёт. Она прислуга. Перед ни-

ми можно.

Младшего братца Уильяма, похоже, ещё не привели домой с детского праздника. Ну и хорошо, не будет надоедать, вредина. Всего семь лет, а ехидства и вреднючести в нём хватает на целую дюжину мальчишек.

Молли распахнула дверь своей комнатки – как и всё в их доме, узкой и длинной, словно пенал. Окно выходило на заднюю аллею, и девочка не стала туда даже выглядывать. Мусор, какие-то ломаные ящики, конский навоз и ещё кое-кто похуже – чего туда пялиться? Приличные люди – и приличные дети – там не ходят.

В комнатке всего-то и помещалось, что умывальник, шкаф, узкая кровать, небольшой стол у самого окна и чертёжная доска.

Правда, доска эта была всем доскам доска. Занимала она почти половину комнаты. Пантографическая угломерная головка, механический привод – чертёжная доска, как и пишущая машинка папы, была на пару. Подсоедини её к домашнему паропроводу, не забудь гофрированную вытяжную трубу, вставь грифель в зажим – и машина начнёт повторять твой последний чертёж. Или поможет тебе двигать каретку.

Это был папин подарок на двенадцатилетие, и Молли её обожала.

А если у тебя есть чертёжная доска, то, соответственно, на ней надлежит чертить. Или по крайней мере рисовать. И потому всё прочее место в Моллиной комнатке занимали ри-

сунки – кроме книг, карандашей, машинок для их точки, резинок всех мастей и калибров и огромной готовальни, жившей на полке.

Рисунки были повсюду. На кроватном покрывале, на столе, под столом, на стуле, на шкафу, под шкафом – и, разумеется, покрывали все стены.

Но если кто думает, что юная мисс Блэкуотер рисовала каких-нибудь единорогов, пони, принцесс или котят с мопсами, он жестоко ошибается.

На желтоватых листах брали разбег невиданные машины. Извергали клубы дыма паровозы. Поднимали стволы гаубиц бронепоезда. Под всеми парами устремлялись к выходу из гавани дестроеры.

Пейзажи Молли не интересовали, впрочем, как и люди. Да и машины на её рисунках были не просто машинами, а их планами. Детально и тщательно вычерченными, проработанными по всем правилам. На кульмане, прищипленный, ждал её руки очередной механический монстр – уже неделю Молли, высунув от старания язык, пыталась изобразить сухопутный дредноут, бронепоезд, которому не нужна будет железнодорожная колея.

Поплескав в лицо водой и сменив форменное платье на домашние фланелевую рубашу и просторные штаны, Молли устремилась обратно на первый этаж.

Отвоевать право хотя бы иногда ходить так дома стоило ей нескольких месяцев скандалов и ссор, пока мама наконец

не сдалась.

– Здравствуйте, мама. – Молли склонила голову.

Мать стояла посреди гостиной, в идеальном серо-жемчужном платье, скромном, но, по мнению Молли, в таком можно было хоть сейчас отправляться на королевский приём в Столице. Волосы стянуты на затылке в тугой узел, взгляд строгий.

– Молли. – Мама ответила лёгким кивком.

– Позволено ли будет мне сесть?

– Садитесь, дорогая. Папа задерживается, как всегда, так что обедать будем без него, когда вернутся Джессика и Уильям. Не сутультесь, дорогая. Осанка, девочка, осанка! И руки, Молли, где ваши руки? Где и как держат руки приличные, хорошо воспитанные мисс?

– Простите, мама... – Молли поспешно развернула плечи, сложила руки на коленях.

– Вот так, дорогая. Хорошие привычки надлежит прививать с детства. Итак, милая, как дела в школе?.. Молли, не спешите, не глотайте окончания слов и не начинайте фраз со слова «потому». Прошу вас, золотко, я слушаю.

* * *

– Гляди, Молли, «Даунтлесс»! «Даунтлесс» пошёл!

– Ничего подобного, – фыркнула Молли. – «Даунтлесс» с одним орудием, носовым. Это «Дэринг». Пушку на корме

видишь? Двенадцатифунтовка. Недавно только поставили.

– Всё-то ты знаешь, – обиженно прогундел рыжий мальчишка с оттопыренными ушами. Он и Молли сидели на карнизе высоко поднимавшегося над гаванью старого маяка. Маяк уже не работал – вместо него построили новый, вынесенный далеко в море.

– Разуй глаза, Сэмми, – отрезала Молли, – и ты всё знать будешь. «Даунтлесс», «Дэринг» и «Дефенсив» – три систершипа¹. Только что пришли с Севера. С канонеркой «Уорриор».

– Эх, хоть одним бы глазком увидеть, – вздохнул Сэмми, – как они там, за хребтом, по берегу бьют...

Да. Хребет Карн Дред был северной границей Империи. За ним тянулись бескрайние леса, как далеко – не сказал бы ни один имперский географ. Когда-то давно страна, где жила Молли, была островом. Бриатанией. Но потом – потом случился Катаклизм. Тоже очень, очень давно. И остров сделался полуостровом. Пролегли дальние дороги, зазмеились реки, озёра раскрыли внимательные глаза.

И туда, за острые пики Карн Дреда, пришли невиданные раньше тут жители. Жители с непроизносимым именем Rooskies.

Молли вздохнула, поглубже натянула настоящий машинистский шлем. Его ей подарил папа, а ему он достался от

¹ В английском языке существительное «корабль» обычно относится к женскому роду. Отсюда «систершип» – «корабль-сестра», то есть однотипный.

механика, которому папа спас ногу, пробитую круглой пулей из додревнего мушкета этих самых Rooskies.

Порыв ветра швырнул в лицо жёсткую снежную крупу пополам с угольной гарью; рыжий Сэмми чихнул, Молли закашлялась, заморгала, поспешно опуская на глаза здоровенные очки-консервы. Очки тоже подарил папа. Такими пользуются путевые обходчики на самых глухих ветках, подходящих к отдалённым карьерам и лесопилкам.

Сэмми глядел на подругу с неприкрытой завистью. Конечно, на Молли тёплая кожаная курточка на меху, исполосованная застёжками-«молниями», штаны из «чёртовой кожи» на тёплой подкладке со множеством карманов, высокие ботинки с пряжками. В школе приходилось носить форму, но в прогулках по городу мама Молли пока что не ограничивала. Особенно сейчас, гнилой зимою.

Сам же Сэмми дрожал в худом и явно тонковатом пальто, истёртом на локтях почти до дыр. Ботинки тоже вот-вот запросят каши, а клетчатые брюки испещрены заплатами.

Сэмми жил «за рельсами» – за Геаршифт-стрит, где пролегла эстакада, больше всего напоминавшая ржавый хребет неведомого зверя; по эстакаде к порту, заводам и вокзалу ходил скоростной паровик. На Геаршифт кончался «приличный», как говорила мама, район и начинались кварталы «неудачников», как говорил папа. «Впрочем, – добавлял он неизменно, – лечить их всё равно надо. Таков долг врача, не забывая об этом, Молли, дорогая».

Ни мама, ни папа Блэкуотеры не одобрили бы пребывания их дочери в компании мальчишки «с той стороны». Впрочем, Молли уже успела усвоить, что рассказывать и делиться надо далеко не всем. Даже с родителями. И особенно с родителями.

– А моего папку отправили сегодня, – сказал Сэмми, провозжая взглядом «Даунтлесс», который на самом деле «Дэринг». – Новую ветку тянуть. Через ущелье Кухир.

– Кухир? – удивилась Молли. – Это же... на ту сторону!

– Ага. – Сэмми шмыгнул носом. – А там эти... Rooskies.

Ага, подумала Молли. Rooskies очень не любили, когда на их границах начинали рубить лес, засыпать овраги, строить мосты через горные реки или пробивать тоннели.

– «Геркулес» отправили их защищать, во! – нашёл наконец Сэмми повод для оптимизма.

– «Геркулес»?! Во здорово! – искренне восхитилась Молли. – Эх, жаль, я не видела...

– Ночью уехали, – чуть снисходительно сказал Сэмми. – Вы ж ещё спите в такую рань. Только мы встаём, заводские.

– И «Гектор», наверное?

– Не, «Гектор» по-прежнему в ремонте. – Сэмми с важным видом почесал нос. – Не починили ещё. «Геркулес» один отправился.

«Геркулес» был самым большим и мощным бронепоездом в Норд-Йорке. Два двухкотловых паровоза, самых сильных, что производили заводы Империи, шесть боевых бронева-

гонов, два вагона-казармы, вагон-штаб с лекарской частью; Молли безошибочно перечислила бы количество и калибры всех до единой пушек и митральез², которыми щетинилась бронированная громада, сейчас, знала она, выкрашенная в смесь грязно-серых и грязно-белых изломанных полос.

Ходила с «Геркулесом» всегда и малая бронелетучка с краном и запасными рельсами-шпалами на случай, если какая-то досадная причуда судьбы повредит пути. Зачастую страховать гиганта отправляли и старенький заслуженный бронепоезд «Гектор», который пускали вперёд, отчего тот и претерпевал регулярно всяческий ущерб.

Но на сей раз «Геркулес» отправился один. Значит, дело действительно срочное.

Молли не успела обдумать всё это, потому что в порту заревел гудок. Два буксира осторожно тянули к причалам низко сидящую громаду «Канонира», тяжёлого монитора береговой обороны. Он ушёл из гавани четыре дня назад и – говорил папа за ужином – не ожидался раньше, чем через две недели.

Что-то и впрямь случилось.

– Молли, ты глянь! – аж задохнулся рядом Сэмми.

Солнце скрывали низкие тучи, к ним примешивалась всегдашняя дымка, висевшая повсюду в Норд-Йорке, сыпала

² Митральеза – многоствольная скорострельная система, зачастую с блоком вращающихся стволов, использующая патроны винтовочного калибра; предтеча современных пулемётов.

снежная крупа, но Молли всё равно отлично видела, что монитор сидит в воде почти по самую палубу, куда глубже, чем полагалось. Увидела следы гари на серых боках рубки и боевой башни с торчащими жерлами четырнадцатидюймовых орудий. Сбитые ограждения мостика, отсутствующие стены и леера; из окрестностей трубы исчезли выгнутые растресканные воздухозаборники, без следа сгинули оба паровых катера. Нет и пары скорострелок правого борта («QF орудие Mk II калибра 4½ дюйма, длина ствола 40 калибров, вес снаряда 45 фунтов», – тотчас произнёс голос у Молли в голове) – на их месте выгнутые и перекрученные полосы металла, словно зверь драл лапами древесную кору.

Что случилось? Почему? У Rooskies же нет тяжёлых пушек! Да и выглядел бы монитор после артиллерийского боя совершенно иначе.

Они смотрели на медленно проплывающую громаду. А это что ещё такое?

– З-зубы как б-будто? Или нет, клюв? – Сэмми широко раскрыл глаза.

И точно. Кормовую надстройку наискось прорезало нечто вроде огромного топора, а на крыше её чётко отпечатались странные следы – монитор точно пытались взять на abordаж, закидывая на борт множество канатов, оканчивающихся массивными и острыми крюками.

– Молли, что это?

– Осколки, наверное, – неуверенно предположила та. –

Мина могла взорваться, в минном аппарате, например, у де-строера рядом... осколки разлетаются, а если, скажем, ещё и мачта упала как-нибудь неудачно...

– Не, Молли. – Сэмми стучал зубами от страха. – В-волшебство это, Молли, точно тебе говорю!

– Тише ты! – оборвала его девочка. – Даже вслух такого не произноси!

Магия – страшное дело. Магия – ужас и проклятие Норд-Йорка, как и всей Империи. Магия появилась после Катаклизма, как, откуда, почему – никто не знал. Или, может, знал, но детям, даже таким, как Молли, из приличных семей, ничего не говорили.

Магия не поддаётся контролю. Ею нельзя управлять. Её не нанесёшь на чертежи, не рассчитаешь на логарифмической линейке или даже на мощном паровом арифмометре. Она приходит и властно берёт подданного Её Величества королевы за горло, и остаётся...

И не остаётся ничего.

Нет, сначала всё хорошо и даже не предвещает беду. Тебе просто начинает везти. Сбываются какие-то мелкие желания. Ты не выучила урок – а тебя не спросили и вдобавок отменили контрольную. Ты опрокинула оставленные молочником бутылки – а они скатились по ступеням, не разбившись. Противное рукоделье как-то само собой оказалось сделанным. Порванная куртка – целой. А на носу у противной Анни Спринклс из параллельного класса, дразнилы, ябеды и за-

даваки, сам собой вскакивал бы исполинский пламенеющий прыщ, стоило только пробормотать про себя пожелание.

А потом...

Потом ты бы испугалась. Постаралась бы ходить осторожно-осторожно, учить все-все уроки и даже помирилась бы с противной мисс Спринклс.

Но было бы уже поздно.

Ночью тебя стали бы будить жуткие сны, и ты просыпалась бы вся в поту от собственного крика. Ты сделалась бы в этих снах чудовищем, призраком, ангелом Смерти, Чёрным Косцом, пробирающимся ночными улицами Норд-Йорка. Ты забавлялась бы, оставляя криво выцарапанные кресты на дверях, а на следующую ночь приходила бы снова, одним касанием заставляя лопнуть все панически запертые замки и заставы, шла бы по тёмным комнатам и забирала жизни. Забирала бы жизни детей, прежде всего – детей. С тем, чтобы потом насладиться горем и отчаянием родителей.

Но этого мало. Магия, проникшая тебе в кровь, продолжала бы свою работу.

И в один прекрасный день ты перестала бы быть человеком. Перестала бы быть молодой мисс Моллинэр³ Эвергрин Блэкуотер, дочерью почтенного и уважаемого доктора Джона К. Блэкуотера. Ты стала бы чудовищем, самым настоящим чудовищем.

³ Автору известно, что имя Молли – уменьшительно-ласкательное от Мэри или Маргарет. Но у нас, как-никак, события происходят после Катаклизма...

А потом – потом ты взорвалась бы. Твоё тело просто не выдержало бы жуткого груза. Кровь, текущая по жилам, подобно воде, бегущей по трубкам парового котла, обратилась бы в подобное пару пламя. И, словно перегретый пар, это пламя вырвалась бы на волю.

Там, где была девочка, взвился бы к небу огненный столб, словно от попадания четырнадцатидюймового снаряда. На добрых две сотни футов во все стороны не осталось бы ничего живого.

Поэтому в Норд-Йорке и несет службу Королевский Особый Департамент. Их чёрные мундиры знает весь город. Чёрные мундиры и эмблему – сжатый кулак, душащий, словно змею, рвущиеся на волю языки злого пламени. Мундиры черны. Кулак на эмблеме – серебряный. А языки пламени – алые.

У них есть особые приборы – досматривающие часто устраиваются в людных местах, на вокзале, например, на конечных остановках паровичков, что возят заводских к цехам и обратно. Приходили они и в школу Молли, разумеется. Класс замер, глядя на сумрачных мужчин в чёрном, с начищенными медными касками, словно у пожарных, украшенными чёрно-бело-красными гребнями.

Прибор, похожий на камеру-обскуру с большим блистающим объективом, глядел холодно и устрашающе. Девочки одна за другой садились перед ним, досмотрщик крутил ручку сбоку, в объективе что-то мигало и мерцало, и ученице

разрешали встать.

Почти всегда.

Один раз, в прошлом году, Дженни Фитцпатрик так же точно, как остальные, села перед объективом, робея и комкая вспотевшими пальцами края передника; так же точно закрутил ручку бородатый досмотрщик; так же засверкало что-то в глубине аппарата, за линзами – и вдруг всё замерло.

Бородатый кивнул своему напарнику, с серебряным угольчатым шевроном на рукаве. Тот плотно сжал губы, вскинул голову, шагнул к треноге, на которой возвышалась камера, глянул куда-то за отодвинутые шторы, скрывавшие от учениц бок прибора – и резко положил руку на плечо сжавшейся Дженни.

Молли помнила, как двое досмотрщиков рывком подняли её со скамьи – ноги больше не держали мисс Фитцпатрик. Впрочем, уже и не мисс и даже не Фитцпатрик.

Больше Дженни никто не видел. Шёпотом передавали слухи, что всех «выявленных» отправляют куда-то в Столицу, чтобы «сделать безопасными для окружающих», однако Дженни в их класс так и не вернулась. И на свою улицу не вернулась тоже, а родители, к полному изумлению Молли, вели себя так, словно ничего не случилось, а их дочь просто поехала погостить куда-то на юг к любимой тётушке.

От мыслей про магию Молли стало совсем зябко.

– Пошли по домам, Сэмми.

– Погоди! – возмутился тот. – Смотри, «Канонира» уже

почти подвели! И прожекторами освещают! Гляди, гляди, ты ж у нас его знаешь лучше, чем, наверное, его капитан! Что ж его так изглодало-то? Если не... э... ну, это самое?

Сэмми не слишком хотелось идти домой, и Молли его понимала. Кроме него, в семье ещё шестеро братьев и сестёр, а жили они не в таунхаусе, как семья д-ра Блэкуотера, а в двух крошечных комнатках общественной квартиры, где кухня с ватерклозетом приходились ещё на восемь таких же.

Правда, мать Сэмми не кудахтала над отпрыском, отнюдь нет. И не смотрела, когда он возвращается домой. Правда, уже начала спрашивать, когда тот перестанет болтаться без дела и начнёт зарабатывать. Все старшие в его семье уже приносили домой когда шиллинг, когда два, а когда и целых три – в особо удачных случаях.

Они остались. И смотрели на тяжело осевший монитор, осторожно подводимый к причалу. К причалу, не в сухой док – значит, чинить особо нечего.

На палубе «Канонира» сутились люди. Сутились, на взгляд Молли, совершенно бессмысленно. Что она, не видела, как швартуются мониторы? А здесь что? Ну, чего присесть подле дырок, где надлежало быть воздухозаборникам? Чего там смотреть? От этого они обратно не вырастут. А ты, моряк в шапочке с помпоном, чего уставился на пустые киль-балки? Катер сам собой не вернётся.

– Как ты думаешь, – с придыханием спросил Сэмми, – что у них там случилось? Куда катера подевались? И шлюпки?

– Может, спускали, чтобы к берегу подойти? А там что-то случилось? Сам ведь знаешь, какое там море...

Сэмми знал. Норд-Гвейлиг словно сходило с ума там, к северу от Карн Дреда. Берег вздыбливался неприступными скалами с редкими проходами, прибрежные воды превращались в сплошные поля губительных рифов, чьи острые зубья все, как один, смотрели в сторону открытого моря.

На «Канонире» наконец завели концы, перебросили трап. Молли видела, как из подкатившего паровика выбрались несколько офицеров – серебряные погоны, аксельбанты, обязательные к ношению в «тыловых гаванях».

Следом за ним к причалам медленно и осторожно подводили нарядную паровую яхту – все иллюминаторы в кормовой надстройке радостно сверкают огнями. А по пирсу проползла целая вереница локомотивов, глухих, закрытых, чёрных.

– Кто-то из пэров приехал...

Молли кивнула. Пэры Королевства частенько навещали Норд-Йорк. Наверное, куда чаще, чем любой другой город в северной части страны, почему – Молли не знала. Может, оттого, что он оказался ближе всего к войне? Отсюда к Карн Дреду тянулись стальные нити путей, здесь выгружались батальоны горнострелков и егерей, здесь строили и ремонтировали бронепоезда.

Про пэров в городе знали все, однако держались они тихо и незаметно: подружки Молли в школе наперебой обсужда-

ли светские новости из Столицы, балы, наряды и всё такое прочее; а в Норд-Йорке почему-то балы устраивались редко, и гости с юга на них не появлялись, к вящему разочарованию девочек в Моллином классе.

Израненный «Канонир» и роскошная яхта пришвартовались; становилось скучновато. Сам монитор Молли и впрямь знала как свои пять пальцев, все его кочегарки и машинные отделения, погреб с элеваторами, словно наяву видела круглый погон башни, её привод, блестящие рычаги наводки, дальномеры, раскинувшие руки на марсах. Она рисовала «Канонир» и его систершип «Фейерверкер» множество раз, даже со счёту сбилась, сколько именно.

– Идём домой, Сэмми. Меня мама заругает.

– А, ну да, конечно, – вздохнул рыжий мальчишка и потёр оттопыренные уши. – Пошли. Завтра придёшь?

– Не знаю. У меня рукоделье не сделано. Ни шитьё, ни вышивка, ни вязание.

– Брр! – помотал головой Сэмми. – Как ты только выдержишь? Я б лучше розгами в школе получил, чем за шитьём сидел!

– Я б тоже, – призналась Молли. – Прутьями что, потерпел чуток и всё, а тут час за часом... пальцы все иголкой исколешь, нитки на спицах путаются, крючок у меня вечно заваливается...

– Пошли, короче говоря, – заключил Сэмми.

И они пошли.

Когда они спустились с маяка, фонарщики уже зажигали газовые фонари. Проехал, громыхая по булыжной мостовой, паровик с черно-бело-красной розеткой на дверях, и Молли с Сэмом невольно потупились – смотреть вслед паровикам Королевского Особого Департамента считалось у ребят Норд-Йорка дурной приметой.

На круглых афишных тумбах кое-где поверх пёстрых объявлений наклеены были плакаты: «Разыскиваются Особым Департаментом». Кое-кто из одержимых магией пытался бежать, не понимая, наверное, уже в своём безумии, что является собой страшную опасность для окружающих. Их приходилось отыскивать. И...

И они исчезали.

Глава 2

– Молли! Молли, дорогая!

– Да, мама. – Молли, как положено, слегка поклонилась, складывая руки внизу живота.

– Папа сегодня будет весь день в больших пакгаузах. Просил принести ему обед. Вот возьмите, Фанни уже всё приготовила...

Мама попыталась было заставить Молли «одеться прилично», потому как «там же будет общество! Офицеры, механики, папины коллеги!.. Платье, мисс, пожалуйста, нормальное платье!»; Молли отбивалась – «там же склады, уголь, грязно!..» – в конце концов победила.

Свой субботний полдень она видела совсем иначе, но с мамой не поспоришь. Мигом окажешься на хлебе и воде – «учит дисциплине и закаляет характер», как неизменно роняла мама, назначая это наказание. За розгу, надо сказать, миссис Блэкуотер не бралась никогда, поелику, будучи дочерью прогресса, полагала подобные «дикости» уделом прошлого. Впрочем, разрешения пороть Молли в школе она подписывала безо всякого трепета. Другое дело, что Молли хватало ума не попадаться.

С термосом в одной руке и стяжкой кастрюлек в другой Молли поскакала на улицу. Зима надвигалась на Норд-Йорк, надвигалась необычно рано в этом году, высылая передо-

вые отряды снеговых туч, гневно обрушивающихся на дымный город твёрдой, словно град, ледяной крупой. Настоящего мягкого снега на улицах не было, он лежал далеко в горах и предгорьях, на полях, ещё не ставших карьерами или шахтами.

Паровичок весело свистнул, трогаясь от остановки, набирая ход, застучал по Азалия-стрит. Молли лихо повисла на задней площадке, ловко просунув руку с термосом под поручень. Верхний город, с его двух- и трёхэтажными таунхаусами, сквериками на площадях перед церквями и даже фонтаном перед Малым рынком, уступил место городу Среднему, вагончик ворвался в узкое полутёмное ущелье улицы, и Молли невольно сжалась.

Сам воздух, казалось, пропитан здесь угольной гарью до такой степени, что щиплет глаза. Брусчатка изрядно разбита, от люков поднимается зловоние, дома потянулись к небу. Дыры подъездов, какой-то хлам в аллеях, обшарпанные стены и столь же облупленные вывески магазинов с пивными.

Трубы паропроводов старые, вентили ржавые, много где травят.

Жёлтые стёкла в окнах нижних этажей, и сами окна забраны частыми решётками. Молли увидела пару констеблей, они не прогуливались, улыбаясь и здороваясь с прохожими, как родной улице юной мисс Блэкуотер, а, напротив, стояли, внимательные и напряжённые, глядя по сторонам во все глаза. Высокие шлемы, круглые очки-консервы, как у самой

Молли, кожаные с металлом доспехи, делавшие их похожими на рыцарей с картинок. Молли заметила и оружие. Увесистые дубинки, револьверы у поясов, а один из констеблей даже держал на плече короткий карабин.

Кого они тут сторожили, почему были так тяжело вооружены – Молли не задумывалась. Паровичок вновь весело свистнул, они покатали дальше, громяхая на стрелках, шипя, окутываясь паром, и смотреть на это было куда веселее, нежели по сторонам.

Большие пакгаузы были действительно большими. Под высокие железные арки, накрытые выгнутыми крышами, забегали полтора десятка железнодорожных путей; часть заканчивалась тупиками, часть следовала дальше, к заводам и к порту. Очевидно, доктора Джона К. Блэкуотера вызвали сюда к пациенту – такое случалось частенько, когда фельдшеры не справлялись.

Молли соскочила с подножки, ловко балансируя и ухитрившись не перевернуть свои кастрюли. Огромные ворота пакгаузов широко распахнуты, стоят вереницы вагонов, пыhtят маневровые паровозы, сердито и нетерпеливо отвечают им низкими гудками их линейные собратья. Отдуваются, отфыркиваясь паром, подъёмники и лифты; кипы тюков, мешков и ящиков исчезают в чреве складов. Суетятся грузчики в изношенных комбинезонах и ватных куртках, машут жезлами диспетчеры в оранжевых жилетах.

– Доктор Блэкуотер! Как найти доктора Блэкуотера? О,

простите, мистер Майлз, это я, Молли!

– Давненько не виделись, мисси! – Толстый диспетчер ухмыльнулся, хлопнув девочку по плечу. – Эк вырядилась, ну ровно машинист, хоть сейчас на «Геркулес», кабы он уже вернулся! Доктор во-он там, за тем углом, ищи ворота четырнадцать. Туда его позвали.

– Мистер Майлз, спаси-ибо! – уже на бегу крикнула Молли.

С платформы на платформу по узким лестницам, словно по боевым трапам вышедшего в море монитора; Молли ловко пробиралась между паровозами и вагонами, уворачивалась от сопящих паровых подъёмников-самоходов, настойчиво разыскивая «ворота номер четырнадцать».

И наконец, увидала их – алые цифры на серой стене, покрытой паровозной гарью. К ним тоже тянулись рельсы, но рельсы не совсем обычные – с обеих сторон высокие железные колья, в два человеческих роста, густо оплетённые колючей проволокой.

И там стояли солдаты. Горные егеря, тоже в шлемах, очках, крагах. Стояли частой двойной цепью, а между ними, выходя из высоких вагонов со стенами сплошного железа, без окон – в «ворота номер четырнадцать» тянулась короткая нитка людей.

Людей со скованными за спиной руками.

Молли так и замерла, разинув рот и забыв даже об угольной гари и пыли.

Они были высоки, эти люди, выше даже рослых егерей. Все, как один, бородаты – мужчины Империи бороды брили, почитая достойным джентльмена украшением одни лишь усы, да и то должным образом подстриженные или даже завитые. На ногах – что-то вроде серых сапог, сами же одеты в поношенные желтоватые длинные... меховики? Кожа наружу, мех внутрь. О, вспомнила Молли – touloupes!

Слово пришло первым. И только сейчас она сообразила, кого видит.

Пленных. Тех самых сказочных Rooskies, взятых в плен егерями.

За бородатыми мужчинами прошли несколько женщин в намотанных на головы платках и таких же touloupes. Никто не смотрел по сторонам, все – строго перед собой, точно их нимало не интересовало, где они очутились и что теперь с ними будет.

Не в силах оторвать взгляд, Молли подходила всё ближе к проволоке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.